

АВТОРСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ПУБЛИЦИСТИКИ О РОССИИ (Э. БЭРРИ)

Предлагается применять методику дискурс-анализа к анализу стиля конкретного публициста. В результате анализа хронотопа (экстратекстуальных характеристик), топиков (концептов и идеологем), жанра, стратегий и тактик и иных дискурсоформирующих категорий исследователь получает набор свойств и дискурса, и авторского публицистического стиля, которые вместе формируют авторскую дискурсивную публицистическую модель.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, дискурс-анализ.

Дискурсивный анализ в современной науке о журналистике является перспективным и востребованным методом исследований. Во-первых, он позволяет анализировать корпуса текстов, принадлежащих одному дискурсу, как реализующих схожие идеологические модели; во-вторых, дискурс-анализ предлагает продуктивные подходы к анализу авторской публицистики, которая, будучи все же включенной в общий идеологический каркас дискурса, создает неповторимые сочетания языка и композиции текстов, традиционно называемые «стилем». Социолингвистическая теория дискурса предлагает описывать такие типичные компоненты (или категории дискурса), как интенциональную и контекстно-ситуативную обусловленность (цель и хронотоп), содержание и ценности дискурса (концепты), участники дискурса (агенты и клиенты) и их коммуникативные стратегии и тактики, жанры дискурса [Карасик, 2002]. При изучении публицистики конкретного автора, совокупность текстов которого, принадлежащих одному типу дискурса, мы называем «авторской дискурсивной моделью», последовательный анализ перечисленных категорий дает выход не только на особенности дискурса, но и на публицистический стиль автора.

Элен Бэрри стала шефом Московского бюро американской газеты «The New York Times» в марте 2011 г. С июня 2008 г. работала корреспондентом Московского бюро «The New York Times». Для анализа мы отобрали 10 публикаций этого автора, размещенных на официальном сайте газеты (www.nytimes.com).

При определении дискурса, к которому принадлежат тексты Э. Бэрри, важной оказывается их тематическая характеристика. «Другим относительно независимым дискурсогенным фактором является тема <...> Тематическое начало выступает одним из первичных оснований для образования дискурса и поддержания его относительной стабильности» [Силантьев, 2004. С. 32]. Темы публикаций Э. Бэрри – это события современной политической российской действительности: прямая линия с президентом В. В. Путиным (2013 г.), теракт во время Бостонского марафона, протесты на Болотной, дело Магнитского, убийство М. Я. Евлоева и др. Таким образом, мы делаем вывод о принадлежности текстов Э. Бэрри к современному публицистическому политическому массмедийному дискурсу. Поскольку ключевой топик ее публикаций – Россия, то мы определяем этот дискурс как «русский».

В анализируемом дискурсе можно выделить и описать дискурсоформирующие категории. Экстратекстуальная составляющая анализируемого дискурса («хронотоп») также определяется через тематическую соотнесенность изучаемых текстов с политическими событиями в современной России.

В качестве одной из дискурсоформирующих категорий выступают «агенты и клиенты» дискурса. К клиентам данного дискурса относятся высокопоставленные лица двух государств, политики, общественные деятели, эксперты. Имена этих личностей являются маркерами типа дискурса. Первые лица государств – *President Obama* и *Vladimir V. Putin* – ключевые фигуры текстов Э. Бэрри.

Публицистическому дискурсу в целом и стилю Э. Бэрри в частности свойственно цитирование слов первых лиц государства: «...a top Russian official said cooperation between the leaders' intelligence services had "noticeably intensified in the past few days"» (NYT – The New York Times. 2013. 29 Apr.).

Другие клиенты, вовлеченные в дискурс, – это «действующие лица»: *Tamerlan and Dzhokhar Tsarnaev*; *Sergei L. Magnitsky*; *Dmitri A. Medvedev*; *Aleksei A. Navalny*; *former Finance Minister Aleksei L. Kudrin*; *Mr. Zyazikov*; *Magomed Yevloyev*; *Yakhya Yevloyev*; *Lyudmila M. Alexeyeva*. В качестве экспертов к дискурсу привлекаются *Aleksei A. Chesnakov*; *Mr. Oslon, president of the Public Opinion Foundation*; *the economist Mikhail E. Dmitriyev*; *Igor V. Zadorin*; *Sergei A. Markov, a United Russia deputy and Kremlin-connected analyst*; *Mr. Terekhov*; *Sergei Y. Naryshkin, the speaker of the lower house of Parliament*; *Dmitri S. Peskov*; *Yuri Ushakov*; *Interior Minister Vladimir A. Kolokoltsev*.

В качестве маркеров современного политдискурса выступают также наименования политических партий *Nashi*, *United Russia*, *The Communist Party*, *Just Russia*, *the national Liberal Democratic Party*. К этой группе маркеров можно также отнести наименования российской газеты (*the newspaper Rossiyskaya Gazeta*) и дискуссионного клуба «Валдай» (*Valdai Discussion Club*).

Отмечено, что современная публицистика активно использует прецедентные феномены с целью актуализации давно освоенных знаков культуры, которые могут стать источником дополнительных смыслов и ас-

социаций. Российская новейшая история часто истолковывается при помощи аллюзий к прошлому, знаки которого мы обнаруживаем в прецедентных именах *Leonid Brezhnev*, *Stalin*, *Ivan the Terrible*, *Peter the Great*, *Czar Alexis*, *Czar Nicholas II*. Прецедентными именами для русской культуры являются также и имена киногероев *Max Otto von Stirlitz* и *Gleb Zheglov*, популярность которых в России, по мнению Э. Бэрри, позволила В. В. Путину иметь столь высокие рейтинги в начале своей политической карьеры.

В текстах о России мы неизменно встречаем транслитерации: «*my ne bydlo*» (NYT. 2011. 16 Aug.) – таков лозунг протестующих против режима Путина, по замечанию Э. Бэрри. В текст попадает и упоминание традиционных русских символов-стереотипов: «*balalaika – matryoshka – caviar – Gorbachev – perestroika*»; «*Balalaikas, bears*» (NYT. 2013. 5 Jan.). Однако, по мнению Бэрри, эти феномены вытесняются из современной политической реальности, и «имена» недавних событий (*Pussy Riot*) теперь могут войти в список русских ассоциаций.

Следующая дискурсоформирующая категория – макротемы или концепты дискурса. Центральными концептами (макротемами) текстов Э. Бэрри, определяющими идеологические оценки российской новейшей истории, являются «антидемократизм», «преступность», «коррупция», «отсутствие гражданских свобод», «национализм».

Центральным концептом публикации «*Russians Go on TV to Say Sanctions Won't Matter*» является идеологема «отсутствие гражданских свобод». «*Just two weeks after the Obama administration imposed sanctions on about two dozen Russians accused of human rights violations, Russian officials organized a very public "so what?" on Saturday, gathering officials on the list and assuring them in televised meetings that condemnation by the United States government would not hurt their careers*» (NYT. 2013. 27 Apr.). Дело Магнитского, обнаружившего крупные финансовые хищения из бюджета и скончавшегося в тюрьме, привело к принятию в США так называемого «закона Магнитского», осуждающего действия лиц, ответственных за гибель аудитора. Это дело является ярким примером нарушения гражданских свобод в России.

Концепт «отсутствие гражданских свобод» является также центральным для публикаций о протестном митинге, возглавляемом Л. Алексеевой, главой Московской Хельсинкской группы. В публикации отмечается, что Путин методично уничтожает движения за гражданские права, его правление прямо называется авторитарным. *«The enemy these days is the soft authoritarian government ushered in by Vladimir V. Putin, previously the president and now prime minister, who methodically constricted the human rights movement»* (NYT. 2010. 11 Jan.); *«In a sense, it is easier, strategy-wise, to be opposed to a full totalitarian regime than it is to try to counter a more sophisticated, strongly authoritarian one. There is some freedom. How do you explain to people what exactly they are lacking»* (Ibid.).

В публикации «For Nearly 5 Hours, a Showcase of Putin's Fully Intact Confidence» центральной идеологемой является концепт «антидемократизм». Корреспонденция посвящена прямой линии президента В. В. Путина, в ходе которой президенту задавались различные вопросы, в том числе и посвященные его отношению к оппозиционному блогеру А. Навальному. Начинается материал со сложноподчиненного предложения *«As a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition, President Vladimir V. Putin on Thursday returned to the Kremlin stagecraft that has served him for more than a decade...»* (NYT. 2013. 25 Apr.). Таким образом, в самом начале текста автор заявляет основную мысль: давление на оппозицию со стороны Путина усилилось. В теле публикации мы находим подтверждения этой мысли: А. Навальный находится под судом, в Москве по обвинению в разжигании массовых беспорядков осужден активист, а на некоммерческую организацию «Голос» наложен штраф. *«As he spoke, the blogger Aleksei A. Navalny was in court in Kirov, facing a possible 10-year sentence on politically tinged embezzlement charges, and a Moscow court handed down a two-and-a-half-year sentence to an activist accused of "inciting mass disorder" at a march last May. The non-profit organization Golos, an election monitoring group, was fined \$10,000 for failing to register as a "foreign agent," as a new law requires»* (Ibid.). Здесь идея об антидемократизме Путина выражена тем же способом, что и в начале текста: структура сложно-

подчиненного времени позволяет указать на несоответствие видимого (Путин проводит прямую линию, «играя» в демократию на политической сцене) и реального (а в это время оппозиционеры подвергаются гонениям). Таким образом, в данной публикации центральный концепт выражен не прямыми средствами языка, а при помощи синтаксического построения высказываний.

«Антидемократизму» Путина посвящены публикации, в которых освещаются подготовка к выборной кампании, протестные митинги 2011 г.

При Путине выборы лишены своего самостоятельного значения и становятся лишь дополнительной демонстрацией лояльности власти: *«Political competition has been all but extinguished since Vladimir V. Putin came to power, so elections serve as little more than a ritual display of loyalty»* (NYT. 2011. 16 Aug.). Стиль правления Путина прямо называется авторитарным: *«One option is to reach back to the autocratic populism that became known as "the Putin phenomenon"»* (Ibid.).

В декабре 2011 г. автор отмечает нарастание чувства неудовлетворенности политической Путиным и нежелание россиян иметь Путина в качестве президента. Это выражается при помощи, например, предлогов с отрицательным значением 'без', 'против': *«Russia without Putin»*; *«He said the events of the last weeks had convinced him that public opinion was turning against Mr. Putin»* (NYT. 2011. 6 Dec.).

В начале января 2012 г. автор описывает настроения в Москве после митингов и свои впечатления от произошедшего: *«Three weeks ago, when this city was bracing for the first in a series of large antigovernment protests, some commentators seemed to dip into the well of Russian history, when czars and crowds collided in a blur of sabers, poleaxes, cavalry charges and masses of commoners holding icons over their heads»* (NYT. 2012. 1 Jan.). В приведенном фрагменте Э. Бэрри прибегает к аллюзии к прошлому: образы царя и народа с иконами над головами используются как прецеденты (возможно, имеются в виду события 9 января 1905 г.), позволяющие осмыслить настоящее в сопоставлении с историческим прошлым и еще раз сопоставить Путина с царем.

В текстах, посвященных протестным митингам, Э. Бэрри проявляет себя как эмоциональный публицист: здесь мы встречаем

эмоционально-экспрессивную оценочную лексику: «*Vladimir V. Putin, who took power in the years after the massive demonstrations of the perestroika era, adopted a similar **nip-it-in-the-bud** approach, though for the most part he avoided using violence*»; «*Before a demonstration at Bolotnaya Square on Dec. 10, officials dusted off **Aleksandr Pushkin's line**: "Please God, don't let us see that classic Russian revolt – **pointless and merciless**"*»; «*...sight that unfolded on Bolotnaya Square on Dec. 10 came as an almost **physical shock**. It has been so long since Russians went out in the streets in large numbers demanding political change that the crowd – an estimated 50,000 people, calmly watched over by the police – **resembled a natural wonder, like the aurora borealis***» (NYT. 2012. 1 Jan.). Автор прибегает к цитатам, в частности, из А. С. Пушкина; к такому стилистическому приему, как сравнение (см. выше).

Митинги, в ходе которых российские интеллектуалы высказывались против Путина («*anti-Putin rallies*»), вызвали оживление политической активности в России. Спустя год автор отмечает нарастающее чувство отчуждения, вызванное политической системой, создаваемой Путиным: «*The fizzy excitement around last year's street activism is entirely gone. But in its place is a deepening sense of alienation that poses its own long-term risk to the system*» (NYT. 2013. 5 Jan.).

Международные репортажи 2010 г. – серия под названием «Над законом» – посвящена коррупции и злоупотреблениям власти в России. Часть II под общим заголовком «The Czar's Eye» написана Э. Берри и описывает обстоятельства гибели Магомеда Евлоева, лидера оппозиции Ингушетии. Центральным концептом данной публикации является концепт «преступность». «*Back then, in August 2008, it was **a crime** so outrageous that it seemed to demand action. Magomed Yevloyev was openly feuding with the region's leader, Murat M. Zyazikov, when the two men happened to board the same flight from Moscow. Barely half an hour after the police escorted Mr. Yevloyev, 36, off the plane, he was dropped off at a hospital with an **execution-style wound***» (NYT. 2010. 3 June). Тема преступности на примере дела Евлоева раскрыта с точки зрения отсутствия правосудия в России. В конце текста эта тема поддерживается при помощи цитирования слов Я. Евлоева (отца Магомеда), который гово-

рит следующее: «*"What happened here, I couldn't have foreseen it," he said later, when the words came. "It was a mockery, not only of me, but of all those who believed in the fulfillment of the law. It was a demonstration that **the law can be bent**."*»

«*You can do whatever you want," he said. "**Steal, murder, kidnap. Whatever you want**"*» (Ibid.).

Помимо этого, подзаголовок «The Czar's Eye» актуализирует идеологему «антидемократизм»: Путин сопоставляется с «царем». «*In Russia, the prosecutor has long served as the guard dog of the powerful. Peter the Great envisioned the office as "the czar's eye," and Stalin forged it into a brutal instrument of control*» (Ibid.).

В публикации «Putin, in Need of Cohesion, Pushes Patriotism» (NYT. 2012. 20 Nov.) концептом, определяющим идеологические оценки действий Путина, является концепт «национализм». В тексте он репрезентирован разнообразными лексическими средствами, а также описательно. Лексемами, репрезентирующими националистические тенденции политики Путина, являются имена прилагательные *conservative*, *patriotic*, *imperial*: «*effort to mobilize **conservative elements** in society*»; «*Alexander Rahr, one of the experts who attended the Valdai Discussion Club, said he left with the sense that though Mr. Putin has benefited politically by embracing more **conservative language***»; «*Mr. Putin has lent his voice to the search for **patriotic ideas***»; «*The pro-Western, modernizing doctrine of President Dmitri A. Medvedev has been replaced by talk about "**post-democracy**" and **imperial nostalgia***» (Ibid.). Среди описательных средств репрезентации идеологемы отмечено противопоставление России Западу: «*Russia should seek to **emulate liberal Western institutions**. "**Western values**" are spoken of with **disdain***»; «*"He is preparing Russians more and more for the understanding that **Russia does not belong to the West, to Western culture anymore**, or to Europe in the way that was discussed during the 1990s," said Mr. Rahr*» (Ibid.).

Публицистическому стилю Э. Берри свойственна антироссийская направленность. Это можно обнаружить при помощи анализа оценки, даваемой автором событиям и лицам российской действительности. Оценка в текстах Э. Берри косвенная, выражена при помощи образных средств языка,

в частности, метафоры. Так, в предложении «*As a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition, President Vladimir V. Putin on Thursday returned to the Kremlin stagecraft that has served him for more than a decade, engaging in a live televised question-and-answer session that lasted for a record-breaking 4 hours 47 minutes*» (NYT. 2013. 25 Apr.) мы находим сразу две метафорических модели «Политика – это охота» и «Политика – это театр», в которых соответственно разворачиваются метафоры ‘*a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition*’ и ‘*returned to the Kremlin stagecraft*’. При помощи первой из метафор Путин наделяется признаками «охотника» на оппозицию, который все ту же затягивает сеть ограничений; при помощи второй – признаками «актера», который выступает на подмостках политической сцены. И та, и другая метафоры выражают негативную оценку российского лидера: ему приписываются отрицательно оцениваемые признаки жестокости и неискренности. Таким образом, мы можем утверждать, что общая направленность текстов Э. Бэрри – антироссийская.

Следующей дискурсоформирующей категорией являются стратегии и тактики, риторические приемы, анализ которых, соотношенный с выделенными концептами-идеологемами, позволяет «прочитать» авторскую концепцию действительности, «рекоструировать» мысленный мир (*universe of discourse*), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс» [Демьянков, 2005]. Среди стратегий, свойственных стилю Э. Бэрри, отмечено использование стратегии уступки. «*...though he said Russia had not been able to provide valuable intelligence about the suspects in the Boston Marathon bombing, Tamerlan and Dzhokhar Tsarnaev*» (NYT. 2013. 29 Apr.). В данном случае мы отмечаем, что придаточное уступительное предложение указывает на наличие обстоятельств, противоречащих официальному состоянию дел. Похожую функцию выполняют и противительные союзы: российская служба безопасности не предоставила Америке информацию о нахождении братьев Царнаевых в течение некоторого времени в Дагестане, но сотрудничество России и Америки в борьбе с терроризмом наладилось. «*Dmitri S. Peskov, repeated that phrase after the two*

presidents spoke on Monday, but he said cooperation between the countries' counterterrorism and intelligence services had improved» (Ibid.)

Одна из особенностей, характеризующих дискурс Э. Бэрри о России, заключается в особом оценочном построении композиции текста. Материал под заголовком «*After Boston Bombing, American Ties With Russia Improve*», в котором уже отчетливо заявлено противоречие, построен при помощи приема антитезы. В зачине к тексту дается представление о том, что связи России и Америки в борьбе с терроризмом крепнут, которое тут же опровергается (при помощи стратегии уступки – см. выше), поскольку ФСБ России не в состоянии предоставить Америке полной информации о деятельности подозреваемых в Дагестане. Это противоречие достигает своей кульминации во второй части текста, которая по общему смыслу противопоставлена первой: в первой говорится о достижении согласия о сотрудничестве, во второй – о том, что Россия не может ни дать верных сведений, ни опровергнуть или подтвердить имеющиеся. «*Russian intelligence services have neither publicly confirmed that Tamerlan Tsarnaev visited Dagestan nor verified American accounts of two warnings sent by the Russian F.S.B. in 2011 identifying Tamerlan as a potentially dangerous Islamic radical*» (Ibid.). В итоге, сотрудничество России и Америки оценивается как ‘затруднительное’: «*Mark Galeotti, a specialist in Russian security services at New York University, said cooperation between Russian and American intelligence had been awkward, in part because Americans agents are governed by stricter legal requirements and fear that information they pass to Russia may be misused*» (Ibid.). Таким образом, опровергается возможность сотрудничества России и Америки в борьбе с терроризмом. Декодирование композиции текста как составляющей его стилистики является одним из действенных методов дискурс-анализа.

Газетный массмедийный политический дискурс характеризуется использованием в нем штампов и клише. Стилю Э. Бэрри также свойственно использование клише: «*on the whole promotes mutual confidence in bilateral relations*» (Ibid.); «*It has proved a pivotal event in the bilateral relationship*» (NYT. 2013. 27 Apr.); «*While Russia has no intention of drifting from the West in its foreign policy*

and seeks closer **bilateral relationships**, Mr. Peskov said, it will no longer tolerate interference by outsiders in its domestic affairs» (NYT. 2012. 20 Nov.).

Текстам Э. Берри, как мы уже отмечали, свойственна метафорическая образность: «**to ratchet up cooperation with the West on global terrorism**» (NYT. 2013. 29 Apr.); «**peppering Mr. Putin with questions for hours**» (NYT. 2012. 20 Nov.); «...as Mr. Putin **tightened his grip** The Kremlin acted to stop the protests; new laws prescribe **draconian punishments** for acts of dissent, and the courts have imprisoned a small number of activists» (NYT. 2013. 5 Jan.).

Среди образных средств языка, употребляемых Э. Берри, отмечено использование сравнения: «The “Putin majority” that appeared a decade ago seems to be shrinking gradually, **like a giant block of ice that is melting at the edges**» (NYT. 2011. 16 Aug.); «It seemed **like the birth of a new organism**» (NYT. 2012. 1 Jan.); «It is not just that at 82 years of age she appears **as fragile as a porcelain teacup**, or that she was dressed as a Snow Maiden, complete with sparkly hat and adorable fur muff» (NYT. 2010. 11 Jan.).

Публицистике Э. Берри свойственно внимание к деталям, использование эпитетов. И то, и другое создают объемную картину, передают авторские впечатления от увиденного. «He was a **broad-beamed, ruddy-faced man in a carefully pressed black suit**, and once in the courtroom he removed his **tall fur hat**, set it on the bench beside him and waited for a chance to speak.

Sunlight streamed in the window, bouncing off the white walls, but the old man had brought a heaviness with him into the room» (NYT. 2010. 3 June).

Градация как стилистический прием позволяет подчеркнуть масштаб проблемы кровной мести (в Ингушетии): «But the blood feud – **whether or not there is Russian law, whether Russia exists, even if Russia disappears – the blood feud in Ingushetia will exist until the last Ingush dies**» (Ibid.). Той же цели достигает и прием повтора: «Many people **have been lied to**, and they know **they were lied to, lied to in an ugly way**» (NYT. 2011. 6 Dec.).

Ирония в текстах Э. Берри создается за счет иллюстрации, приведения примера: «He pledged help for retirees and factory

workers, and he benevolently granted petitions, like one from a pigtailed girl in Russia’s Far East who asked for a playground» (NYT. 2013. 25 Apr.). В данном фрагменте приведение примера достигает цели снижения значимости обещаний и действий Путина: он занимается «детскими», несерьезными делами, в то время как в России в целом складывается угрожающая демократии обстановка.

Однако стилю этого автора характерна и прямая оценочность: «...**brutal counterterrorism tactics in the North Caucasus**» (Ibid.); «Russia has taken a series of steps to express its **sharp displeasure**...» (NYT. 2013. 27 Apr.); «...the relationship between the two men had deteriorated **badly**» (NYT. 2013. 25 Apr.); «Death is often **murky in the violent borderland of the Russian north Caucasus**» (NYT. 2010. 3 June); «Vladimir V. Putin has brought the same **ruthless pragmatism** to a wide range of problems» (NYT. 2012. 20 Nov.).

Среди стереотипных представлений о России в текстах Э. Берри отмечены такие, как, например, «противостояние» России Западу: «But the meetings on Saturday were aimed at a Russian audience and seemed to carry the message that Russia’s alienation from Western governments would have no real effect on citizens’ lives» (NYT. 2013. 27 Apr.). В этом тексте данный стереотип выражен при помощи традиционных лексических средств – имени существительного *alienation*. Стереотип противостояния в данном контексте имеет дополнительные аспекты смысла: это состояние необходимо России, поскольку только в борьбе с врагом она находит свою идентичность. «One complication in that project, he noted, is that Russia’s moments of glory and unity have always been associated with an invading force»; «intense battle between Russia and its foes» (NYT 2012. Nov. 20).

Политический стереотип о том, что «Россия агрессивна», находит выражение в указании на ‘жесткий’ прагматизм Путина и при помощи традиционного для этого стереотипа репрезентанта имени существительного *war*: «Over 12 years as the principal leader of Russia, Vladimir V. Putin has brought the same ruthless pragmatism to a wide range of problems – separatist wars, gas wars, rebellious oligarchs and a collapsing ruble» (NYT. 2012. 20 Nov.).

В публикациях, посвященных протестным митингам, актуализируется стереотип

«в России ничего не меняется». Это мнение о России высказывается в материале несколько раз и выражается при помощи разных лексических средств. «*If not – well, we will live the way we live now*»; «*No one expects political change*»; «*Because nothing happened*»; «*As if nothing in Russia will change*» (NYT. 2013. 5 Jan.).

Еще один стереотип о России, который мы встречаем в публикациях Э. Бэрри, – «бедность». «*...that Russians are passive because they are poor*» (NYT. 2010. 11 Jan.).

Подведем итоги. Парадоксальность (проявляющаяся в обнаружении противоречивых явлений) является одной из стилистических особенностей текстов Э. Бэрри. «*Russia Turns a Deaf Ear as Killing Cries for Justice*» – таков заголовок публикации о смерти М. Евлоева (NYT. 2010. 3 June). Глухая Россия, не обращающая внимания на крики, раздающиеся в защиту справедливости, – образ, построенный на противопоставлении признаков наличия звука и невозможности его услышать.

В качестве одной из характеристик стиля, свойственных дискурсу Э. Бэрри, выделяется композиционное построение текста и высказывания. С точки зрения композиции текста мы обнаруживаем такое его построение, которое актуализирует противоречие между желаемым и реальным, между видимым и происходящим на самом деле. Так, антитеза как композиционный прием позволяет реализовать такое противопоставление. Например, в материале «*Russia Turns a Deaf Ear as Killing Cries for Justice*» мы наблюдаем кольцевую композицию. Текст начинается с описания суда в Магасе и заканчивается описанием суда в Магасе, однако если в начале текста Я. Евлоев ожидает решения суда, то в конце он слышит решение, которое в корне противоречит не только его ожида-

ниям правосудия, но и в целом нормам правосудия. «*As he sat in stunned silence, the judges announced that prosecutors had overcharged Ibragim Yevloyev, and reduced his sentence from two years in a prison camp to two years' house arrest*» (NYT. 2010. 3 June). С точки зрения синтаксиса (построения отдельного высказывания) сложноподчиненное предложение времени, уступки и сложносочиненное с противительным союзом служат реализации этой же стратегии – противопоставления.

Необходимо отметить также зависимость образных средств языка публициста от коммуникативной интенции текста (или от жанра). Так, репортаж, посвященный протестным митингам, написан в эмоциональном ключе, в нем мы встречаем прецедентные феномены и эмоционально-экспрессивную оценочную лексику; очерк (*features*) о Я. и М. Евловых, предполагающий создание портретов героев, демонстрирует наличие деталей в описании, эпитетов; корреспонденции, которые комментируют действия первых лиц государства, лишены образности, и оценка создается в них за счет специфики построения композиции текста и синтаксиса высказывания.

Список литературы

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и слова обывденного языка // Язык. Личность. Текст. М., 2005. С. 34–51.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Моногр. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Силантьев И. В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 188 с.

Материал поступил в редколлегию 10.06.2013

O. G. Orlova

THE AUTHOR'S DISCURSIVE MODEL OF JOURNALISM ABOUT RUSSIA (H. BERRY)

In the paper the idea to view individual author's journalistic texts through the methods of discourse-analysis is suggested. The author's journalism discursive model is formed by discourse and individual style characteristics, which are the results of the analysis of extra textual conditions, concepts and ideologies, genre, strategies and tactics used in the texts under analysis.

Keywords: discourse, journalism, discourse-analysis.